

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора филологических наук Кротовой Дарьи Владимировны
на тему: «Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и
художественная генеалогия (модернистский аспект)»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы
народов Российской Федерации»

Актуальность оппонируемой работы определяется двумя факторами. Во-первых, содержательная структура лирики Варлама Шаламова в современном литературоведении изучена явно недостаточно; а учитывая масштаб его творчества, сугубую значимость его эстетических открытий и морально-философских установок, воплощенных в его стихах, исследовательская задача, которую ставит перед собой диссертантка, представляется насущной необходимостью.

Во-вторых, суть каждого большого поэта, его свершения, его новаторство как художника невозможно определить без установления его генеалогии. Поэтому вторая ключевая задача, которую ставит в своем докторском исследовании Дарья Кротова (проследить творческие истоки поэзии Варлама Шаламова), представляется правомерной, органичной и очень своевременной. Следует подчеркнуть, что этот аспект творческого наследия Шаламова в современном литературоведении широко не обсуждался, и, безусловно, диссертация Д.В. Кротовой восполняет этот пробел в историко-литературном и теоретическом осмыслении одного из самых выдающихся русских поэтов середины XX века.

В самой формулировке темы диссертантки уже содержится магистральная гипотеза ее работы: генезис Варлама Шаламова как поэта определяется его апелляцией и аффилиацией к контексту русского модернизма.

Обоснованность научных положений, выносимых на защиту, не вызывает ни малейших сомнений. Скрупулезно, последовательно и обстоятельно в работе раскрываются все десять положений, выносимых на защиту.

В первом разделе работы Дарья Владимировна развертывает систему доказательств первых шести ключевых тезисов. Она аргументировано доказывает, что поэзия Шаламова – это, с одной стороны, семиотически структурированная смысловая система, обеспеченная авторской философией и беспрецедентным жизненным опытом; с другой стороны, показывает, что темы, идейно-мотивные комплексы и ключевые образы прочными нитями связаны с шаламовской прозой, составляя в совокупности уникальный художественный свертхтекст.

Обосновывая ряд магистральных положений, касающихся мироощущения Шаламова, автор не только четко вычленяет и анализирует каждый из лейтмотивных комплексов лирики Шаламова (в тесной корреспонденции с «Колымскими рассказами»), но и впервые в полном объеме выявляет философские основания шаламовской эстетики. Это (а) искусство как основное «орудие» формирования аксиологических ориентиров личности; (б) этическая ответственность художника, его общественная миссия; (в) художник – глашатай истинных ценностей, верифицированных его личным опытом; (г) представление о поэтическом слове как о невероятно действенном средстве воздействия на жизненную реальность и сознание других людей.

Само мировоззрение Шаламова Д.В. Кротова справедливо определяет как трагическое, полемизируя с бытующей в литературной критике и шаламоведении точкой зрения (например, Д. Быкова) о пессимистической доминанте его жизненной философии. И это важнейшее из выносимых на защиту положений автор блестяще доказывает, определяя сущность трагедийного мироощущения (в высшей степени присущего Варламу Шаламову) как гармонически целостного, катарсического восприятия

жизни, преодолевающего ужас и боль бытия, а точнее, претворяющего их в словесную ткань, в жгущий «сердца людей» глагол! И это пресуществление в слове жизненного «ада», невероятных телесных и душевных мук и вместе с тем (по сути, бергсоновское) переживание полноты «жизненного потока», красоты и могущества бытия северной природы становится для Дарьи Владимировны той *структурно-смысловой осью* мировоззрения Шаламова, на которую она «нанизывает» мотивно-образные «кристаллы» и «волны» поэтической вселенной автора «Колымских рассказов». Причем диссертантка делает это мастерски: ее аналитический алгоритм действительно позволяет ей выявить специфику и новаторство лейтмотивного воплощения природных, телесных, духовных констант Шаламова в многообразии их образных воплощений. Особенно впечатляюще произведен, на мой взгляд, анализ семантики памяти, по-новому раскрывающий психологические механизмы памяти/забвения, как творческих феноменов - с акцентированием их аксиологической релевантности. Не менее ценно аналитическое рассмотрение «вещных», предметных образных комплексов (начиная с каменной семантики и заканчивая «гастрономическими» образами): убедительный анализ Д.В. Кротовой выявляет символическое звучание каждого из этих образов.

Второй раздел работы посвящен обоснованию последних четырех положений, выносимых на защиту, раскрывающих поэтическую генеалогию Шаламова. Диссертантка убедительно показывает корневую связь автора «Колымских рассказов» с русской модернистской традицией - в большей мере - в ее символистском и акмеистском изводах.

И здесь прежде всего важно отметить двойное достоинство подхода Д.В. Кротовой к проблеме генеалогии. С одной стороны, диссертантка показывает связь с традициями символизма и акмеизма как поэтическими течениями Серебряного века, с другой стороны, она скрупулезно исследует генетические связи Шаламова с наиболее крупными представителями

течения, а также с поэтами-модернистами вне течений (в частности, с Б. Пастернаком и М. Цветаевой).

Этот подход дал интересные, в чем-то ожидаемые, в чем-то неожиданные, но, в обоих случаях **инновационные** результаты. Так, Д.В. Кротова убедительно показывает, что творческие интуиции Шаламова-лирика не некоем глубинном уровне инспирированы символистским мироощущением, символистской философией, что влечет за собой гомологию «орудийных средств, в просторечии именуемых образами» (О. Мандельштам). И мировоззренческие схождения, и образные переклички Шаламова с символистской эстетикой и поэтикой диссертантка детально исследует на материале блоковского творчества. Исследовательница безупречно выстраивает верификационную систему доказательств, указывая на блоковские эпитафии к произведениям Шаламова, его литературно-критические отзывы о Блоке и эссеистские размышления о его поэтике.

Особенно важно то, что она заостряет внимание на такой категории, как художественный метод символизма, воплощенный в поэтике Блока и в определенной мере реанимированный Шаламовым в его художественной практике. В этом я вижу одно из теоретических достижений диссертантки (ибо понятие творческого метода и проблема его преемственности сегодня находится на периферии литературоведческих исследований).

Очень продуктивными и наукоемкими оказались аналитические штудии Дарьи Владимировны, касающиеся акмеистского генезиса лирики Шаламова. В этом отчасти «виноват» и сам Шаламов, уделявший много литературно-критического и творческого внимания творчеству «главных» акмеистов – Гумилеву, Мандельштаму и Ахматовой (что является веским аргументом в пользу их рецептивного усвоения Шаламовым).

Автор диссертации прежде всего вычленяет ряд общеакмеистских принципов (приемов рельефного запечатления бытия в его предметных деталях, рецептивных установок в общении с аудиторией и мировой культурой и т.д.) и впервые показывает, что в художественном мире

Шаламова эти принципы письма, эти установки, восходящие к акмеистической практике, также имеют место быть.

Однако Д.В. Кротова не останавливается на этом инновационном и верификационно убедительном достижении. Она идет дальше: в последующих параграфах она последовательно сопоставляет творческие установки и поэтику Шаламова и Гумилева, Шаламова и Мандельштама, Шаламова и Ахматовой. В этих аналитических медальонах диссертантка делает ряд открытий, каждое из которых могло бы послужить темой для отдельного исследования.

При этом каждая из предложенных параллелей не повторяется, а дает синергетический эффект. Например, воспринятый от Гумилева тезис мужественного сопротивления материалу жизни относится и к акмеизму в целом, определяя парадигму его «посмертного бытия» и «выстреливает» в творчестве самого Шаламова – показывая, как этот тезис работает уже в иных – нечеловеческих – условиях лагерного ада.

Филигранное исследование параллели «В. Шаламов и О. Мандельштам» обнаруживает (пусть не полную, но все же) тождественность художественного мышления обоих поэтов, восходящую к идее сохранения внутренней свободы в сугубо «несвободных» обстоятельствах. Эта идея также имеет двойной вектор: она реализуется в художественной модальности «поздних» акмеистов (постреволюционного периода) и резонирует с магистральными духовными установками самого Шаламова (условия существования которого оказываются в прямом смысле каторжными), инспирируя антитоталитарный дух его поэзии, ее внутренне трагедийный и антиутопический строй. Вот уж поистине, по слову Гумилева, «...здесь этика становится эстетикой, расширяясь до области последней».

Отдельного внимания и отдельной похвалы заслуживает параграф «В. Шаламов и А. Ахматова», в котором автор находит совпадающие творческие грани у обоих художников. Кротова совершенно справедливо заостряет внимание не столько на интертекстуальных переключках Шаламова с

Ахматовой - равно, как и с другими акмеистами (хотя таких текстуальных схождений она находит множество), - а на высших планах духовной тождественности Ахматовой и ее младшего современника. Так она выявляет ряд концептуальных совпадений в представлениях обоих поэтов об искусстве, о роли и назначении художника, о невероятной субстанциальной прочности поэтического слова... И поэтическая гомология, схожесть их мотивно-образных элементов предстает как производное от более высокой – духовно-творческой гомологии.

Той же методы, дающей эффективный результат, придерживается докторант при сравнении - в завершающих работу параграфах - творческих установок В. Шаламова с аналогичными установками Б. Пастернака и М. Цветаевой.

Надо признать, что Дарья Владимировна блестяще владеет методикой оговорок, что позволяет ей нюансировать, корректировать и оттенять свои выводы, тезисы и наблюдения. Так, сам сравнительно-исторический метод (которым она виртуозно владеет) таит в себе соблазн подчинить сравниваемый субъект/объект с тем, с которым выстраивается сопоставление. Отрадно заметить, что докторантка избегает этого соблазна, прибегая к той самой системе оговорок, о которой я упоминала выше. Более того, она всегда готова найти ряд отличий художественного строя Шаламова от содержательных структур каждого из его предшественников. И эта неполная гомология делает ее окончательные выводы еще более убедительными и достоверными.

Теоретическая *новизна* и *значимость* диссертационных результатов обусловлена тем, что автор уточняет по-новому интерпретирует само понятие *художественной генеалогии* трактуемой им в диалогической парадигме – как иерархически и диспозиционно выстраиваемая коммуникация, идейно-философские уровни которой определяют схождения, совпадения, переключки на уровне поэтики. Это чрезвычайно важное *достижение*, открывающее новые перспективы литературоведческого

изучения генетических связей и феноменов литературной традиции. **Второе** архиважное **достижение**, определяющее новаторское звучание всей работы и ее ключевых положений, заключается в вычленении, структурировании и аналитике идейных и образных констант творчества Варлама Шаламова, что позволило в итоге показать его лирический мир как органическую целостность, своего рода сверхтекст. Сам алгоритм вычленения и анализа ключевых мировоззренческих констант и мотивно-семантических комплексов также причисляю к **инновационным методологическим достижениям** оппонируемой работы.

Кроме того, одно из важных достоинств работы заключается в том, что в ней вводится в литературоведческий оборот широчайший фактический материал, включая архивные (подчас, впервые опубликованные) документы, историю вопроса (касающуюся не только Шаламова, но и всех его предшественников). Этот обширный, но четко структурированный материал сам по себе имеет весомую **историко-литературную** и **практическую значимость**.

Сколько-нибудь серьезных просчетов и неточностей автора я не вижу, но по долгу оппонента два момента все же отмечу.

1. Возможно, стоило бы более отчетливо дифференцировать теоретические понятия, относящиеся к феномену литературной традиции. Так, в частности, можно было бы дать более четкое теоретическое определение таких понятий, как собственно *литературная традиция*, *влияние*, *диалогическое взаимодействие*, *рецепция*, *типологическое сходство*, *заимствование*. Возможно, следовало бы оговорить, по какому критерию на формальном уровне могут быть сопоставлены разные поэтические системы? Этот вопрос оказывается тем более важным, что зачастую невозможно определить сам источник заимствования: ведь между оригинальным источником и воспринимающим субъектом могут быть литературные / текстовые посредники. Кроме того, бывают случаи, что внешняя схожесть мотивно-образных систем не позволяет отнести поэтики к одному типу

(поскольку похожие симптомы могут иметь разную этиологию). Оговорюсь, что в аналитической практике автор диссертации все эти проблемы замечательно разрешает, однако их теоретическое обоснование (например, во введении) украсило бы работу.

2. Мне кажется, что параграф 2.2. («Преломление художественных традиций акмеизма в поэзии В. Шаламова») был бы полнее и богаче по содержанию, если бы автор включил в него аналитический фрагмент, касающийся рецептивного восприятия Шаламова акмеистической концепции Слова. Ведь представления о субстанциональном статусе слова были присущи не только Ахматовой (как акцентирует диссертантка в «ахматовском» параграфе), но и другим акмеистам. Вспомним рассуждения о слове-Логосе в статье Мандельштама «Слово и культура», его ранние «имябожеские» стихи, не говоря уже о ключевом для поэтической философии Гумилева стихотворении «Слово».

Вместе с тем, указанные замечания ни в какой мере не умаляют значимости оппонируемой работы, являющейся **самостоятельным, оригинальным, теоретически и практически значимым исследованием, открывающим новые пути изучения** как творчества Варлама Шаламова, так и в целом художественных систем в русской поэзии XX века в ее связях с предшествующей традицией.

Автореферат в полной мере отвечает тексту и смыслу диссертации, хотя и не исчерпывает ее содержания. Причина тому - смысловая плотность рецензируемой работы в сочетании с ограниченностью объема, требуемого от реферата. Авторские публикации полностью отражают результаты и материалы работы.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным

пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, вывод самоочевиден: соискатель **Кротова Дарья Владимировна** заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории журналистики и литературы
факультета журналистики
ОЧУ ВО «Московский университет
имени А.С. Грибоедова»

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна

27.10. 2022

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21. Московский университет
имени А.С. Грибоедова, факультет журналистики. Тел.: +7 (495) 673-7371; e-
mail: impe.griboedova@mail.ru